

О. А. Мирошников

УДК [37:008] (4+7)

ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРА И ЗАПАДНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Общеизвестно, что воспитание, наряду с образованием, является функцией культуры. О данной функции можно говорить даже тогда, когда нет ни школ, ни университетов (например, у аборигенов Австралии или у индейских племен Амазонии). Поскольку у них существует культура, мы с уверенностью можем говорить о существовании у них также образования, пусть и в не обычных и не привычных для нас формах.

М. Мид, рассматривая некоторые из подобных отсталых обществ, отмечает, что если бы на Самоа преобладали маленькие семьи с малым числом детей, то это обязательно привело бы к тому, что «половина населения вырастала бы в заботах, воспитывалась бы в духе самопожертвования, в то время как другая превращалась бы в тиранов и себялюбцев. Но на Самоа, как только ребенок достигает до того возраста, когда его своеволие становится невыносимым, на его плечи возлагается забота о младшем. Каждый ребенок поэтому здесь дисциплинируется и социализируется ответственностью за младшего брата и сестру» [3, с. 101].

Для М. Мид, известного американского этнографа, приведенная особенность важна как пример общества на раннем этапе своего развития. Подобные случаи не столь уж редки. И большие семьи, и воспитание младших детей старшими было повсеместным явлением не только где-то на островах южных морей, но и, например, в европейских крестьянских семьях, в те времена, когда не было ни детских садов, ни яслей, а семьи были достаточно большими.

Такое воспитание характерно, полагает М. Мид, лишь для одного из трех типов культуры. Это самый ранний по времени возникновения, постфигуративный тип, где младшие

учатся у старших. По словам исследовательницы, в культуре такого типа «деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей» [3, с. 323]. Подобный тип культуры характерен для обществ, которые данный автор называет «примитивными», в то время как для большинства цивилизованных обществ характерен кофигуративный тип культуры, где и дети и взрослые учатся у сверстников. Наконец, уже в наше время, появляется префигуративный тип культуры, «где взрослые учатся также у своих детей» [3, с. 322]. Последний по времени возникновения префигуративный тип культуры и соответствующее ему воспитание требуют более подробного рассмотрения.

Европейцы, принимая свою «европейскость» как данность, обычно не задумываются над тем, что делает их европейцами. Но ведь «Европа» – это понятие не только географическое, а «европеец» – даже вовсе не географическое. Такие европейские государства, как Россия и Турция большую часть своей территории имеют за пределами Европы. Культурное же влияние Европы давно уже вышло за пределы даже и этих внеевропейских территорий. Европеец – это современный цивилизованный человек, исповедующий соответствующую систему ценностей, в основе которой – христианство. Поскольку именно наличие у человека данной системы ценностей делает его европейцем, то можно де-факто не быть европейцем, живя в Европе, но также и быть европейцем, даже проживая далеко за пределами Европы.

Европейца точно так же можно определить – вне региональной и расовой принадлежности – как европейски образованного человека или же как носителя европейской культуры, основанной на христианстве. И это – отнюдь не синонимы. Возможно, «наиболее европейское» образование дает Токийский университет, но он не выпускает из своих стен носителей европейской культуры. Ведь японцы по праву гордятся своей культурой, в ко-

тору хорошо вписываются университеты, соперничающие с лучшими европейскими.

Существует, однако, тенденция преуменьшать роль культуры, когда речь идет о национальной принадлежности человека. Кровь, а не культура, полагают приверженцы подобного подхода, выступает здесь в роли главного или даже единственного фактора. Некоторые примеры, приводимые для его обоснования, достаточно примечательны.

Вот, пожалуй, наиболее известный такой пример. Предположим, что в транспорте едут четыре человека, все разной национальной принадлежности: русский, грузин, латыш и татарин. Кроме них, в транспорте оказывается пьяный, ведущий себя крайне агрессивно. Каждый из четырех будет реагировать на этот инцидент по-разному [1, с. 340–341]. Эта реакция, столь различающаяся у каждого из четверых, говорит будто бы о различии их происхождения. Мы не можем безоговорочно согласиться с подобным выводом (да и с рассуждениями такого рода). Стереотип поведения в большей степени, на наш взгляд, определяется культурой и воспитанием, чем происхождением. Например, латыш, воспитанный как грузин, и реагировать будет как грузин и т.п.

Но ведь в каждом из нас не только течет кровь представителя того или иного этноса, но и живут определенные культурные нормы, усвоенные в семье, школе, в той среде, где мы привыкли вращаться, в том обществе, в котором мы живем. Несовпадение индивидуального, коллективного, социального, культурного и иных видов воздействия с этнической принадлежностью не является чем-то исключительным. Можно с достаточной долей уверенности говорить, что поведение человека в этой и подобной ситуации будет, даже в большей степени, чем этническим происхождением, определяться его культурой.

Европейскую культуру можно характеризовать как кофигуративную. Собственно «европейская культура» – понятие близкое, но отнюдь не идентичное другому понятию, понятию «западная культура» – имеет свои корни, конечно же, в античности. Но не только.

Можно сказать, что Европа начинается с Христа. И это не будет преувеличением.

По времени возникновения христианство было последней из эллинистических и второй из мировых религий. Однако то, что христианство в наше время, несмотря на его распространение далеко за пределы Европы, по преимуществу рассматривается как европейская религия, и то, что на европейца, какую бы религию он ни исповедовал, смотрят за пределами Европы как на христианина, следует объяснять не только победами христианства, но и его поражениями. Христианство за относительно небольшой срок смогло фактически завоевать огромную Римскую империю, христианство в результате миссионерской деятельности и крестовых походов распространилось в средние века на всю Европу. Но имперские владения в Азии и Африке были утрачены, что, на наш взгляд, не ослабило христианство, а напротив, укрепило его. Как и победы христианства в Европе, поражения христианства за ее пределами в какой-то степени стабилизировали ситуацию и в Европе, и в христианстве.

Основу европейской парадигмы составили не только идеи Ветхого и Нового Заветов, но, в определенной степени, идеи Платона и Аристотеля, о чем, в частности, говорит П. Рикер [7, с. 153]. По замыслу Боэция, стоявшего как бы на водоразделе античности и христианства, произведения этих величайших философов «призваны были составить и основу всего интеллектуально-культурного универсума наступающей эпохи» [9, с. 61]. Все это стало тем фундаментом, на котором было воздвигнуто здание европейской культуры.

Европейской, но не западной. Ибо это – понятия отнюдь не идентичные. В основе западной культуры иная парадигма. Западную культуру в целом можно рассматривать как имеющую нигилистический характер. И это – несмотря на сохранение в ней значительного веса христианства.

Это различие между европейской и западной культурами отмечали философы и социологи уже в XIX в. Так, М. Вебер говорил о происходящем «расколдовывании» европей-

ской культуры. Так он характеризует то, что другие современные ему мыслители определяют как нигилизм. Разумеется, этот нигилизм не возник из ничего.

Ф. Ницше говорит о таких чертах нигилизма, как преобладание механицизма в естественных науках, ложь в политике, анархия в экономике, фатализм в истории, тенденцию к «чистому искусству» в художественной культуре [5, с. 627–628]. Можно было бы проследить постепенное формирование каждой из этих черт, которые как бы сошлись в XIX в., но, применительно к теме данной статьи, более логично будет говорить о нигилизме в целом.

В средние века нигилистическая составляющая европейской культуры играла служебную, подчиненную роль. Результатом творческой деятельности было возникновение нового в культуре христианской Европы, результатом же нигилизма было разрушение того устаревшего, что должно было отмереть. Повидимому, два события – Реформация в средние века и Просвещение в Новое время – привели к серьезному нарушению привычной последовательности. Отныне нигилизм предшествует творчеству. Это очень масштабное движение; революционный процесс (не только в Европе, но и за ее пределами) является частным его проявлением. Западная культура, на сегодняшний день единственная, к которой можно применить термин «префигуративная», и явилась следствием этого масштабного нарушения последовательности.

Следующие слова Ф. Ницше о нигилизме как бы исторически предваряют то, что впоследствии напишет М. Мид о префигуративном воспитании: «Теперь живет новое поколение, которое чувствует себя в антагонизме с этим прошлым и в этой критике наслаждается первыми плодами чувства власти. Прежде – наоборот, новое поколение хотело полагать в основе своей жизни старину и начало себя чувствовать только тогда, когда оно не только принимало взгляды отцов, но принимало их возможно строже. Критика отцов считалась тогда пороком, теперешние молодые идеалисты начинают именно с нее» [6, с. 107].

Отечественная традиция ведет отсчет изображению нигилизма в русской литературе с романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», где в качестве типичного нигилиста изображен Евгений Базаров. События разворачиваются далеко от столицы, в русской провинции. Но корни этого отрицания, несомненно, тянутся из чуткого к западным веяниям Петербурга, где учится Базаров.

Это проявляется в его споре с Кирсановыми, ставшем хрестоматийным.

«– Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, – промолвил Базаров. – В теперешнее время полезнее всего отрицание, – мы отрицаем.

– Все?

– Все.

– Как? Не только искусство, поэзию... но и страшно вымолвить...

– Все <...>

– Однако, позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.

– Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [8, с. 152–153].

Из этого короткого диалога (мы его сократили еще более) можно сделать, по крайней мере, два вывода. Русский нигилизм отрицает Россию и Бога (вот слово, которое не решился произнести Николай Петрович – и автор также, последний – из цензурных соображений).

Русский – и не только русский – нигилизм отрицает, не желая строить или, по крайней мере, связывая возведение нового здания с отдаленным будущим. Эта черта присуща не только русскому нигилизму.

Однако различие между людьми внешне очень схожих, но в сущности весьма различных культур литератор иногда улавливает лучше, чем теоретик. Английский поэт Р. Киплинг называл людей западной культуры «детьми Марфы». Слова поэта заставляют вспомнить известный евангельский сюжет «Христос в доме Марфы и Марии». Поскольку Мария избрала благое, которое у нее не отнимется, то именно ее, а не Марфу, следует рас-

смагивать как принадлежащую к христианской (европейской) культуре. Английский поэт взглянул на этот сюжет несколько по-иному. Дети Марии для него – это люди минувшей эпохи. Дети же Марфы – это представители западной культуры, которая идет на смену европейской, не являясь в то же время ее прямой наследницей. Тогда, в викторианской Англии, сохранялось еще очень много «детей Марии». Они не были способны к активному действию и возлагали все свои надежды на Господа. Однако сам Господь, по словам поэта, возлагает надежды на детей Марфы [2, с. 121]. Поэт довольно четко различает людей двух эпох, двух культур. Действительно, исповедовать христианство (а дети Марфы также его исповедуют) – еще не значит принадлежать к христианской (европейской) культуре. Наряду с европейской культурой, в Западной Европе и Северной Америке появляется в Новое время западная культура, основанная на иных ценностях, по характеру нигилистическая, по типу воспитания – префигуративная.

Культурные преобразования, которые начались в нашей стране в петровскую эпоху, по сути дела, были попыткой копирования уже именно западной, а не европейской культуры [4, с. 223].

Соперничество европейской и западной культур продолжается. Борьба между ними – не явная, а скрытая – идет с переменным успехом. Унификация образовательной системы, происходящая в последние десятилетия, является немаловажным успехом в распространении именно западной культуры. По сути дела, эта унификация, независимо от намерений тех, кто ее задумал и пытается проводить в жизнь, призвана дать официальный статус тому процессу, который подспудно происходит в ареале распространения западной культуры – процессу префигуративного воспитания.

Таким образом, у нас нет оснований разделять положительную оценку префигуративного воспитания, данную М. Мид. Этот процесс дестабилизирует общество и потому является опасным, а следовательно и нежелательным.

В интересах сохранения культурных достижений и стабилизации общества следует поддерживать и развивать существующий кофигуративный характер воспитания и культуры.

АННОТАЦИЯ

В статье сделана попытка, используя в качестве критерия воспитания, разграничить европейскую и западную культуры как внешне похожие, но по сути различные. Использована концепция М. Мид, в которой при характеристике культур, вводятся понятия «постфигуративный», «кофигуративный» и «префигуративный». Делается вывод, что влияние западной культуры и, в частности, западного воспитания, префигуративного по своему характеру, является вредным и потому нежелательным.

Ключевые слова: воспитание, постфигуративный тип культуры, кофигуративный тип культуры, префигуративный тип культуры, европейская культура, западная культура.

SUMMARY

There was made an attempt to distinguish European and Western culture that look similar, but in fact they are different. The criterion is upbringing. M. Mids's conception is used. In this conception the notions «post-figurative», «cofigurative» and «prefigurative» are introduced with culture description. There was made a conclusion, that the influence of Western culture and Western upbringing, that is prefigurative, is harmful and undesirable.

Key words: upbringing, post-figurative culture type, cofigurative culture type, prefigurative culture type, European culture, western culture.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. – М.: Танаис, 1994. – 544 с.
2. Киплинг Р. Избранное. – М.: Радуга, 1983. – 457 с.
3. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
4. Мирошников О. А. Соблазн Запада и альтернатива Востока / Тенденции развития высшего образования на Украине: европейский вектор: Материалы международной научно-практической конференции, Ялта (20–21 марта 2014 года). – Ялта: РВНЗ КГУ, 2014. – Ч. 2. – С. 220–227.

5. Ницше Ф. К генеалогии морали. – Минск: Харвест, 2007. – 1037 с.
 6. Ницше Ф. Утренняя заря. – СПб.: Азбука, 2015. – 384 с.
 7. Рикер П. Время и рассказ. – Т. 1. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
 8. Тургенев И. С. Отцы и дети. – М.: Детгиз, 1977. – 300 с.
 9. Уколова В. И. «Последний римлянин» Бэций. – М.: Наука, 1987. – 161 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

